

ИЗДАНИЕ

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.
НОВОРОССИЯ и ОДЕССА

(ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ОЧЕРКЪ)

Составилъ А. Бориневичъ.

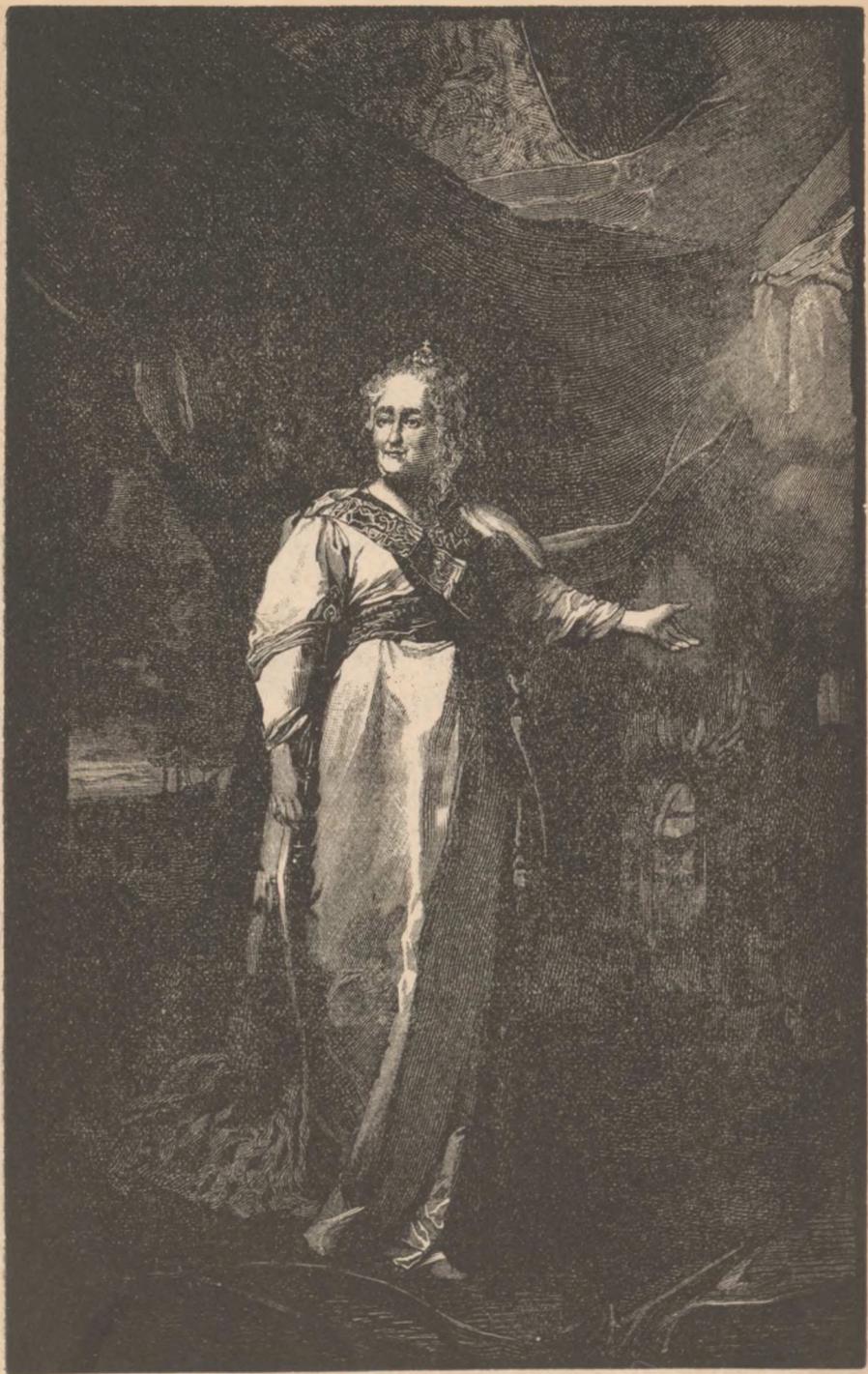

ОДЕССА.

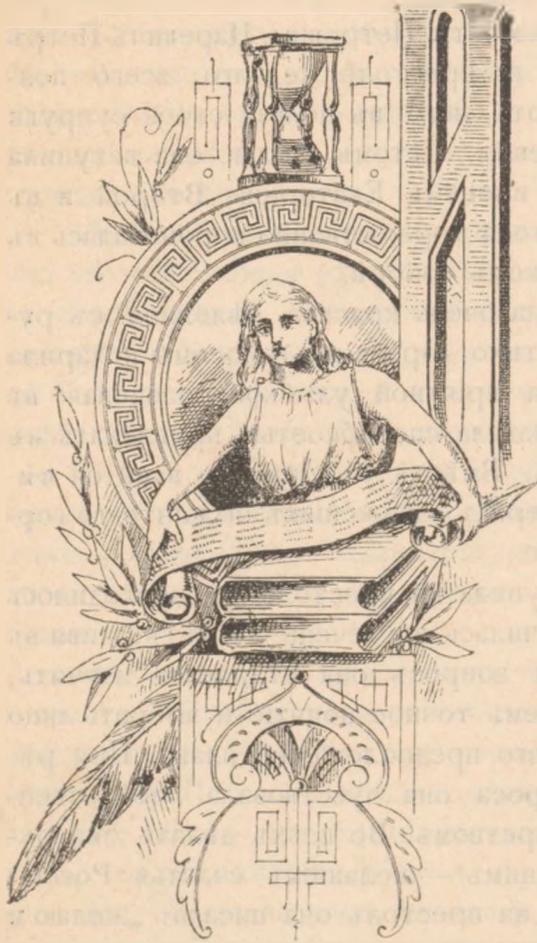
Тип. Высочайше утверж. Южно-Русскаго О-ва Печатнаго Дѣла
(Пушкынаевск. собств. домъ, № 20).

1896.

Дозволено цензурою. Одесса, 24-го Октября 1896 года.

Императрица ЕКАТЕРИНА II.

мператрица Елизавета Петровна, дочь Петра Великаго, избрала въ жены наслѣднику престола, своему племяннику, Петру Феодоровичу, иностранную принцессу Софію Ангальтъ-Цербтскую, которая прибыла въ Рос-

сию, когда ей было не болѣе пятнадцати лѣтъ; здѣсь она приняла православіе подъ именемъ Екатерины Алексѣевны и была обвѣнчана съ наслѣдникомъ престола.

Во время царствованія Елизаветы Петровны Екатерина вела жизнь замкнутую, почти уединенную; вся она углубилась въ книги; многіе годы провела она въ

изученіи различныхъ отраслей знанія и съ особымъ стараніемъ училась русскому языку и знакомилась съ Россіей,—она какъ бы предвидѣла будущее и готовилась стать Императрицей.

По смерти Елизаветы Петровны, Царевичъ Петръ Ѳеодоровичъ былъ на престолѣ недолго, всего полгода, и отказался отъ него въ пользу своей супруги Екатерины Алексѣевны. Въ томъ 1762 г. она вступила на престолъ подъ именемъ Екатерины Второй и въ сентябрѣ того же года торжественно короновалась въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ.

Екатерина была очень красива, бѣлолица, съ румянцемъ, говорила тихо, горловымъ голосомъ и дарила собесѣдника весьма пріятной улыбкой; ласковая въ обращеніи, она обладала способностью привлекать къ себѣ окружающихъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ во всей ея фигурѣ, поступи, манерахъ, движеніяхъ было что-то гордое, величественное.

Когда она вступила на престолъ, ей пригодилось все то, чему она училась въ теченіе 18 лѣтъ, живя въ уединеніи. Каждый вопросъ она старалась изучить, составить себѣ о немъ точное понятіе и выбрать лицо для исполненія своего предположенія, плана. При рѣшеніи всякаго вопроса она чувствовала отвѣтственность предъ государствомъ. Во всѣхъ дѣлахъ она руководствовалась однимъ — желаніемъ счастья Россіи. Еще до вступленія на престолъ она писала: „желаю и хочу только блага странѣ, въ которую привелъ меня Господь. Слава ея дѣлаетъ меня славною. Вотъ мое правило, и я буду счастлива, если мои мысли могутъ въ томъ содѣйствовать“.

День свой Екатерина начинала въ 6 час. утра, когда во дворцѣ всѣ еще спали. Не желая беспокоить слугъ, она сама одѣвалась, зажигала свѣчи, топила ка-

минь и принималась писать. Около 10 час., напившись очень крѣпкаго кофе, она принимала секретарей и слушала доклады министровъ. Обѣдала она рано—въ часъ или два и послѣ обѣда занималась чтеніемъ; въ 6 час. начиналось вечернее собраніе въ ея покояхъ; она бесѣдовала или читала, или смотрѣла театральныя представленія. Въ 10 час. вечера всѣ расходились, и Императрица около 11 час., выпивъ стаканъ отварной воды, отходила ко сну.

Любя обставлять приемы пышно и величественно, она въ то же время отличалась крайней умѣренностью въ своей частной, обыденной жизни. Въ пищѣ она была воздержна, никогда не завтракала и не ужинала, обѣдъ ея былъ очень простой и состоялъ изъ 3—4 блюдъ; одѣвалась она болѣе чѣмъ скромно.

Гордая и величественная вообще, она среди избраннаго кружка выдѣлялась умомъ, а не своимъ саномъ, положеніемъ; отличительною чертою ея характера была веселость, склонность къ шуткамъ и забавамъ.

Она любила распространять вокругъ себя добро и счастье. Проникнутая желаніемъ возвысить Россію и сдѣлать ее славною, она образцомъ правителя избрала себѣ Петра I и всегда руководствовалась, по ея словамъ, тѣмъ, „что бы онъ приказалъ, что бы запретилъ, что бы сдѣлалъ, будучи на моемъ мѣстѣ“. Чтя его, она воздвигла ему памятникъ въ Петербургѣ съ надписью: „Петру Первому Екатерина Вторая“.

Какъ женщина просвѣщенная, она особенно покровительствовала ученымъ и писателямъ, была лично съ ними знакома, принимала ихъ у себя и сама бывала у нихъ, съ другими вела постоянную переписку.

Екатерина много писала; переписывалась съ Фридрихомъ II, королемъ прусскимъ, съ Іосифомъ II, им-

ператоромъ австрійскимъ, съ королемъ польскимъ и шведскимъ и съ учеными людьми, и писателями. Во всѣхъ этихъ письмахъ она обнаружила много ума, наблюдательности, такта, остроумія, знанія государственнаго дѣла и дипломатическія способности. Письма ея были серьезны, мысли выражены ясно и сильно и часто коротко.

Кромѣ массы писемъ, Императрица писала историческія произведенія, повѣсти и сказки, пьесы, составляла учебники для внуковъ и проч. Она писала и въ журналъ „Собесѣдникъ“, который издавался другомъ ея, княгиней Дашковой.

Первые годы ея царствованія были особенно затруднительны, но такъ какъ восшествіе ея на престоль было въ то же время торжествомъ русскихъ, то ранѣе можно было ожидать, что она пріобрѣтетъ любовь Россіи. Да и въ самомъ дѣлѣ: какъ женщина — она была, по тому времени, образованная, умная, отзывчивая на все живое, простая, привлекательная, милая и ласковая въ обращеніи; какъ императрица — благородно-великодушная, справедливо-милостивая и снисходительная къ другимъ, мечтавшая о счастьи своихъ подданныхъ — она, несомнѣнно, должна была скоро пріобрѣсти всеобщую любовь. И она ее пріобрѣла: всѣ окружающіе Императрицу старались быть полезными ей, а, слѣдовательно, и государству, на пользу котораго она отдавала всѣ свои мысли, всѣ свои знанія, труды. Къ этому нужно прибавить и ея умѣнье выбирать людей. Ея сподвижниками были: Орловъ, княгиня Дашкова, Румянцевъ, Панинъ, Рѣпинъ, Долгорукій, Суворовъ, Чичаговъ. Потемкинъ, Бецкій, Безбородко, Державинъ, Зубовъ и др.

Однимъ изъ важныхъ дѣлъ, которое она предприняла по восшествіи на престоль — была забота о

русскихъ законахъ, которые не пересматривались со времени царя Алексѣя Михайловича, составившаго „Уложеніе“.

Чтобы лучше рѣшить это весьма сложное дѣло, а, главное, чтобы прислушаться къ мнѣнію людей, близко стоящихъ къ жизни въ разныхъ концахъ великой Россіи, Императрица повелѣваетъ созвать въ Москву „Большую Коммиссію“, т. е. выборныхъ людей отъ дворянъ, купцовъ, крестьянъ и проч. Такихъ выборныхъ лицъ прибыло въ Москву болѣе 500. Они привезли съ собою записки о мѣстныхъ нуждахъ. Чтобы дать понять съѣхавшимся представителямъ, какими мыслями они должны руководиться при составленіи новаго „Уложенія“, Императрица написала „Наказъ Коммиссіи о составленіи проекта новаго Уложенія“. Составлялся ею „Наказъ“ въ теченіе двухъ лѣтъ; онъ былъ раздѣленъ на 20 главъ и заключалъ въ себѣ мнѣнія Императрицы о государствѣ, власти, законахъ, наказаніяхъ, судѣ, воспитаніи, о народномъ хозяйствѣ, населеніи, государственныхъ доходахъ и расходахъ и проч. Въ первомъ-же пунктѣ „Наказа“, она обращается съ молитвой къ Богу о судѣ правомъ и говоритъ: „Господи, Боже мой! вонми ми и вразуми мя, да сотворю судъ людемъ твоимъ по закону святому твоему судити въ правду“. А такъ какъ это было время, когда она увлекалась философіей и иностранными писателями, то понятно, что этотъ „Наказъ“ былъ проявленіемъ лучшихъ мыслей и чувствъ, которыми она тогда руководилась. Эти мысли и чувства свидѣтельствовали о великомъ умѣ и сердцѣ автора и были такъ необычны въ глазахъ современниковъ, что не только русскіе люди пришли въ восторгъ отъ „Наказа“—ему удивлялись и иностранцы. Любовь къ отечеству,

человѣколюбіе къ виновнымъ, стремленіе къ просвѣщенію, правдѣ, взаимной любви—были такъ ярко и понятно изложены, что когда выборныя лица познакомились съ „Наказомъ“, они рѣшили поднести ей титуль: „Великой, Премудрой и Матери Отечества“. Но она не приняла этихъ титуловъ, отвѣтивъ, что Великая ли она, рѣшить потомство; относительно премудрости замѣтила, что премудръ одинъ Богъ. Матерью-же отечества отказалась называться потому, что, по ея словамъ: „любить мой народъ и быть матерью его—обязанность моя“.

„Большая Коммиссія“ вела занятія полтора года, сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Хотя „Коммиссія“, по случаю войны, и не закончила трудовъ по составленію „Уложения“, но зато была достигнута Императрицей вторая цѣль — она познакомилась съ мѣстными нуждами разныхъ частей Россіи. Императрица сказала, что „Коммиссія Уложения, бывъ въ собраніи, подала мнѣ совѣтъ и свѣдѣнія о всей имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пешись должно“. Это знаніе нуждъ и вообще всѣ труды „Большой Коммиссіи“ легли впослѣдствіи въ основаніе многихъ мѣръ и указовъ Императрицы.

Въ заботахъ о внутреннемъ устройствѣ, Екатерина въ 1775 году издаетъ „Учрежденія для управленія губерніями“, а въ 1785 году знаменитую „Жалованную грамоту городамъ“.

„Учрежденіями для управленія губерніями“ въ Россіи увеличено число губерній и уѣздовъ, образованы многіе уѣздные города, устроены суды, какъ въ губернскихъ, такъ и въ уѣздныхъ городахъ и проч.

„Жалованной грамотой“ городамъ предоставлялось право избирать городскія думы, которыя должны заботиться о пользахъ и нуждахъ города.

Императрица особенно интересовалась дѣломъ народнаго образованія и придавала ему особенное значеніе. Она думала посредствомъ воспитанія возвысить значеніе женщины въ семьѣ и посредствомъ же воспитанія полагала возможнымъ „создать новую породу людей“. Въ „Наказѣ“ она писала: „Самое надежное, но и самое труднѣйшее средство сдѣлать людей лучшими—есть приведеніе въ совершенство воспитанія“. Въ дѣлѣ народнаго образованія помощникомъ ея явился И. И. Бецкій. Свои мысли о воспитаніи Екатерина излагала не только въ „Наказѣ“, но и въ другихъ трудахъ. Въ „Учрежденіяхъ для управленія губерніями“, между прочимъ, говорится о необходимости открытія въ каждой губерніи „Приказовъ общественнаго призрѣнія“, на которые возложено было и попеченіе объ открытіи народныхъ школь. Въ 1782 г. она приглашаетъ изъ-за границы знаменитаго педагога того времени Янковича, учреждаетъ „Коммиссію народныхъ училищъ“, а въ 1786 году выходитъ Высочайше утвержденный „Уставъ народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи“, по которому въ губернскихъ городахъ открываются главныя училища, а въ уѣздныхъ—малыя. Этимъ уставомъ положено было начало правильному устройству школь, а для подготовленія учителей для этихъ школь учреждена была учительская семинарія. Во время ея царствованія впервые открыты были училища: артиллерійское, инженерное, коммерческое, и горное, Академія художествъ и, наконецъ, Россійская Академія Наукъ, а къ концу царствованія учреждена была публичная бібліотека.

При Екатеринѣ же получаетъ правильное устройство и дѣло помощи бѣднымъ. Вскорѣ послѣ коронаціи, когда Императрица жила въ Москвѣ, устро-

ень былъ ею Воспитательный домъ, куда принимались или круглыя сироты, или дѣти, оставленныя родителями. Такой же домъ открыть былъ ею и въ Петербургѣ. Съ изданіемъ „Учрежденія о губерніяхъ“, дѣло помощи бѣднымъ организуется по всей Россіи. Въ каждой губерніи учредился „Приказъ общественнаго призрѣнія“, на обязанности котораго лежало завести по всѣмъ городамъ сиротскіе дома, больницы, богадѣльни, дома для неизлѣчимыхъ больныхъ, дома для сумасшедшихъ, рабочіе и смирительные дома.

Забываясь о здравіи населенія, она лично подавала примѣры огражденія себя отъ болѣзней. Сто лѣтъ назадъ объ оспенныхъ прививкахъ въ Россіи не имѣли понятія, а сельскіе жители и особенно раскольники и много лѣтъ спустя прямо противодѣйствовали привитію оспы. Императрица, чтобы показать примѣръ своимъ подданнымъ, прививаетъ въ 1769 г. оспу себѣ и своему единственному сыну, наслѣднику престола, Павлу Петровичу. Примѣръ этотъ произвелъ впечатлѣніе, и сотни, тысячи лицъ стали прививать себѣ оспу.

Она ввела въ употребленіе бумажныя деньги; заботилась о развитіи торговли и промышленности и, по примѣру Петра, посылала молодыхъ людей учиться за-границу.

Таковы ея дѣянія во внутренней жизни Россіи. По отношенію къ сосѣднимъ государствамъ она тоже руководствовалась только благомъ управляемой ею страны. Она очень искусно вела сношенія съ иностранными государствами и тѣмъ способствовала упроченію могущества Россіи. X

Россія сравнительно недавно предъ вступленіемъ Екатерины на престолъ приобрѣла Балтійское побе-

режье. Завоеваніе Финляндіи началось только при Петръ Великомъ. Все еще такъ свѣжо, — Швеція не можетъ оставаться спокойною, и Густавъ III думаетъ возвратитъ потерянное въ предыдущія царствованія.

При Петръ же Великомъ Курляндія стала въ нѣкоторое подчиненіе Россіи; Императрица Елизавета предоставила герцогство Курляндское сыну польскаго короля. Екатерина посмотрѣла на этотъ вопросъ иначе: сынъ короля польскаго долженъ былъ оставить Курляндію; къ тому же Екатерина пытается возвратитъ отъ Польши издавна принадлежавшія Россіи литовскія, бѣлорусскія и малорусскія земли.

Границы Россіи на югѣ не доходятъ до Чернаго моря и открыты для нападенія турокъ и татаръ; и тѣ и другіе часто беспокоятъ Россію; нужно обезопаситъ эти границы отъ нападенія, нужно подвинуть границы Россіи до Чернаго моря.

Такимъ образомъ, ей предстояло продолжать начатое Петромъ. Ея стремленія были — укрѣпитъ и защититъ Балтійское побережье, возвратитъ отъ Польши издавна принадлежавшія Россіи литовскія, бѣлорусскія и малорусскія земли и утвердиться на Черноморскомъ побережьи.

Хотя она и вѣрила въ то, что „миръ намъ доставитъ, какъ она говорила, болѣе уваженія, чѣмъ случайности войны, всегда разорительной“, но, стремясь къ намѣченнымъ цѣлямъ, она должна была вести войны то со Швеціей, то съ Польшей, то съ Турціей. Часто эти государства вступали въ соглашеніе между собой и тогда Россіи приходилось бороться съ двумя изъ нихъ одновременно. Войны оканчивались въ пользу Россіи; владѣнія ея расширялись. Швеція напрасно пыталась возвратитъ земли, завоеванныя Петромъ Великимъ. Война не дала Швеціи ничего. Отъ Польши

Россія возвратила литовскія, бѣлорусскія и малорусскія земли; отъ Турціи мы приобрѣли Новороссійскій край. Такимъ образомъ, въ теченіе царствованія Екатерины Россія приобрѣла нынѣшнія губерніи Курляндскую, Ковенскую, Виленскую. Минскую, Гродненскую, Волынскую, Кіевскую, Каменецъ-Подольскую, Херсонскую, Таврическую и Кубанскую область.

Наиболѣе продолжительныя и ожесточенныя войны были съ Турціей. Настроенная противъ Россіи, Турція искала повода къ войнѣ. За поводомъ дѣло не стало: совершенно случайно русскія войска перешли границу и разорили нѣсколько домовъ въ Балтѣ, гдѣ проживали и турки. Этого обстоятельства было достаточно, чтобы объявить Россіи войну. Екатерина не хотѣла этой войны, она старалась избѣгнуть ея, предлагала разныя условія. Напрасно! Екатерина съ болью въ сердцѣ, но съ вѣрой въ Бога приняла вызовъ. Въ одномъ изъ писемъ она по этому поводу писала: „на начинающаго Богъ, Богъ же видитъ, что не я зачала“. Она составила планъ войны и война началась.

Русскія войска были раздѣлены на три арміи. Первая армія, скоро по объявленіи войны, взяла крѣпость Хотинъ. Затѣмъ Румянцевъ разбилъ при рѣкѣ Ларгѣ крымскаго хана, союзника Турціи, и съ небольшою арміею въ 17 тысячъ солдатъ, разбилъ при Кагулѣ союзную татарско-турецкую армію въ 150 тысячъ, прогналъ ее за Дунай. Вторая армія, подъ начальствомъ графа Панина, послѣ долгой осады, взяла приступомъ крѣпость Бендеры. Въ то же время графъ Алексѣй Орловъ заперъ турецкій флотъ въ Чесменской бухтѣ и сжегъ его. Кн. Долгорукій, посланный въ Крымъ, также успѣшно дѣйствовалъ— онъ занялъ своими войсками весь Крымскій полу-

островъ. Взбунтовавшіеся татары свергли съ престола своего хана и на мѣсто его возвели другого, расположеннаго къ Россіи.

Въ 1774 году русскія войска перешли Дунай. Въ селеніи Кучукъ-Кайнарджи былъ заключенъ миръ, по которому Россія получила Азовъ, Керчь, Еникале, Кинбурнь и земли между Днѣпромъ и Бугомъ, а Крымъ былъ признанъ неподвластнымъ Турціи.

Мира желала и Россія. Ее отвлекали отъ этой войны иныя заботы. Почти одновременно съ войной нужно было принимать мѣры противъ распространившейся по всему государству чумы, нужно было вести войну съ Польшей, нужно было усмирить Пугачевскій бунтъ.

Скоро Екатерина справилась съ этими трудностями. Чума была прекращена; война съ Польшей окончилась раздѣломъ ея между Россіей, Австріей и Пруссіей (по этому раздѣлу къ Россіи отошла Бѣлоруссія). Пугачевъ, выдававшій себя за покойнаго императора Петра Феодоровича и собравшій вокругъ себя шайку разбойниковъ, былъ выданъ своими же приближенными, привезенъ въ Москву и казненъ въ 1775 году.

Государство стало пользоваться миромъ. Екатерина обратила вниманіе на степи, прилегавшія къ Черному морю и на Черноморское побережье и занялась ихъ устройствомъ.

11

Main body of handwritten text, appearing to be a letter or a document. The text is written in a cursive script and is mostly illegible due to fading and bleed-through from the reverse side of the page.

Bottom section of handwritten text, possibly a signature or a closing, also mostly illegible.

Историческія свѣдѣнія о Новороссіи теряются далеко въ глубинѣ времени. Широкія и привольныя степи ея издавна манили къ себѣ разные народы. Близость Чернаго моря, плодородный черноземъ, умѣренный климатъ, полоса произрастанія вино-

града, арбузовъ и дынь: воды, изобиловавшія рыбой, а степи птицами и звѣрями — все должно было привлекать сюда поселенцевъ, а, между тѣмъ, жизнь не развивалась, такъ какъ открытыя степи служили дорогой для дикихъ племенъ, которыя, приходя изъ

Азіи и, частью уходя на западъ, частью оставаясь здѣсь, мѣшали правильному развитію жизни, развитію торговли. Но и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ здѣсь все-таки селились, а по побережью Чернаго моря основывались торговые пункты. Находимые теперь при раскопкахъ предметы свидѣтельствуютъ о томъ, что на этомъ побережьи были значительные греческіе города. Гораздо позже, въ первые вѣка исторіи Россіи, видимъ значительныя торговыя сношенія Руси съ Византіей. Князья Олегъ и Игорь и княгиня Ольга вели торговлю съ греками. Есть основаніе предполагать, что въ нынѣшней южной Россіи издавна жили русскія племена и имѣли свои поселенія. Хотя татары, появившіеся въ южныхъ степяхъ, и отгѣснили русскихъ отъ Чернаго моря и надолго задержали развитіе жизни въ этомъ краѣ, но русскія поселенія здѣсь все-таки оставались.

Много поселеній основали и казаки, селившіеся въ южныхъ степяхъ для „бобровыхъ и рыбныхъ лововъ и звѣриныхъ гоновъ“; они пытались ввести здѣсь осѣдлую жизнь, но терпѣли частые разорительныя набѣги отъ татаръ. Въ половинѣ XVI вѣка казаки обосновываются въ порожистой части Днѣпра, — организуется, такъ называемая, Запорожская Сѣчь. Вначалѣ это было только военное братство, но съ теченіемъ времени, когда запорожцы стали многочисленнѣе, они заняли громадную площадь земли и основали рядъ поселеній по обоимъ берегамъ Днѣпра, въ нынѣшней Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ.

Земли запорожцевъ занимали большую половину нынѣшней Новороссіи. Центромъ Запорожья была Сѣчь и „великій лугъ днѣпровскій“, т. е. обширная долина въ низовьяхъ Днѣпра. Эта долина, обильная кормомъ для скота, рыбными ловлями и звѣринными

гонами, была кормилицей всего Запорожья, а вмѣстѣ съ тѣмъ, перерѣзанная протоками, она служила надежнымъ оплотомъ Запорожью отъ татаръ. Такую же роль оплота играли и пороги. Сѣчь была защищена хорошо. Запорожцы, имѣя Сѣчь и дугъ днѣпровскій, сдерживали до извѣстной степени натискъ татаръ и турокъ на южныя окраины Россіи. Это были своего рода крѣпости у входа въ Россію.

Россія всегда съ большимъ интересомъ смотрѣла на наши южныя окраины; еще Петръ Великій стремился къ Черному и Азовскому морямъ, еще Елизавета Петровна вызывала сербовъ для заселенія этого края, еще при ней были построены крѣпости Елисаветградъ, Бахмутъ, Константиноградъ и другія.

Екатерина понимала предшественниковъ, ей понятно было стремленіе Петра Великаго къ Черному морю и она продолжала его задачу — утвердиться на Черноморскомъ побережьи.

Взглядъ Императрицы на Новороссію вполнѣ раздѣлялъ, а, можетъ быть, и не только поддерживалъ, но и развивалъ Потемкинъ. Сынъ небогатаго смоленскаго дворянина, онъ былъ весьма способенъ, уменъ и честолюбивъ и еще въ дѣтствѣ мечталъ быть или архіереемъ, или министромъ. Одинаковые мысли, взгляды и убѣжденія соединяли его съ Императрицей, которая называла его лучшимъ другомъ, воспитанникомъ и ученикомъ своимъ. Это былъ человекъ съ быстрымъ, гениальнымъ умомъ и большой фантазійей. Онъ былъ непослѣдовательный, нетерпѣливый, но образованный, энергичный, неутомимый въ дѣлахъ. Въ немъ была масса противорѣчій. Онъ, статный, красивый, въ бархатной бекешѣ, весь преданный дѣлу и движенію, онъ же нечесанный, босоногій, безучастный, временами лежалъ по цѣлымъ днямъ на диванѣ.

Побывавъ у береговъ Чернаго моря, Потемкинъ сразу понялъ своимъ умомъ, что это за край и какую роль онъ можетъ играть въ будущей жизни Россіи. И Потемкинъ мечтаетъ не только завоевать все Черноморское побережье, но и уничтожить Крымское царство, выгнать турокъ изъ Европы, возстановить Греческую имперію и посадить на ея престоль великаго князя Константина Павловича. Онъ безъ всякаго кровопролитія присоединилъ Крымъ и, назначенный генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края, принялся за его устройство.

Императрица, желая имѣть новую гавань и верфь у Чернаго моря, еще въ 1775 г. повелѣла построить гавань въ устьѣ Днѣпра, но это не было приведено въ исполненіе. Въ 1778 г., въ противовѣсъ Очакову, оставшемуся за турками, она снова повелѣваетъ построить городъ въ устьѣ Днѣпра и называетъ его Херсономъ. Руководить всѣмъ дѣломъ назначается Потемкинъ. Онъ думалъ создать изъ Херсона второй Петербургъ. Подъ городъ было отведено достаточно земли, которая и раздавалась подъ заселеніе, и въ будущемъ городѣ кипѣла работа. Строились крѣпость, адмиралтейство, корабли; очищался фарватеръ. Сюда было прислано множество солдатъ и рабочихъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, сюда стекались и вольные рабочіе. Императрица отпускала Потемкину громадныя суммы на постройку Херсона, ему присылались мастера, техники, специалисты. Не болѣе какъ черезъ 2 года, въ Херсонъ приходили уже корабли; сюда прїѣзжали селиться и русскіе и иностранцы; открывались торговые дома и конторы. Благодаря торговой фирмѣ барона Антуана, Херсонъ скоро пріобрѣлъ прямыя сношенія съ Франціей.

Князь Потемкинъ Таврическій.

Почти одновременно съ Херсономъ строится Екатеринославъ. Потемкинъ хотѣлъ удивить всѣхъ постройкой этого города, почему отвелъ подъ городъ 300 кв. верстъ, улицы шириною въ 300 саж., планировалъ соборъ, который былъ бы „на одинъ аршинъ больше“ собора Св. Петра въ Римѣ. Постройка одного фундамента обошлась въ 71000 руб. Онъ писалъ Государынѣ, что будутъ, между прочимъ, построены: „домъ губернаторской, вице-губернаторской, домъ дворянской и аптека, фабрика суконная и шелковая, университетъ купно съ академией музыкальной или консерваторіей“. Директоръ консерваторіи уже былъ назначенъ и получалъ жалованье, назначены были и профессора. Но всѣмъ этимъ проектамъ не суждено было осуществиться: они были слишкомъ грандиозны, слишкомъ несбыточны. Это была одна изъ фантазій, которыми былъ богатъ „великолѣпный князь Тавриды“, какъ его называлъ поэтъ Державинъ.

Одновременно съ постройкой Херсона повелѣно было строить и крѣпость при впадении Ингула въ Бугъ, но она не была построена, и только въ 1788 г. возлѣ Фабровской дачи на Ингулѣ была заведена верфь, а въ 1790 г. послѣдовалъ указъ Екатерины о наименованіи новаго города Николаевомъ; въ томъ же году послѣдовалъ Высочайшій указъ и о постройкѣ тамъ адмиралтейства и верфи.

Потемкинъ строилъ Николаевъ не такъ грандиозно, какъ Екатеринославъ; здѣсь онъ велѣлъ, между прочимъ, воздвигать постройки „безъ затѣй“, и перенесъ изъ Херсона адмиралтейство въ Николаевъ.

Кромѣ постройки городовъ, Потемкинъ всячески заботился о процвѣтаніи юга Россіи: строилъ фабрики, заводилъ шелковницу, выписывалъ изъ Вен-

грии виноградъ, переселялъ раскольниковъ и экономическихъ крестьянъ.

Около этого же времени Малороссія присоединяется къ Россіи. Это присоединеніе началось нѣсколько раньше и происходило постепенно. Малороссійская аристократія служила при дворѣ въ Петербургѣ, великорусскіе генералы имѣли большое значеніе въ дѣлахъ Малороссіи. Самостоятельность Малороссіи была постепенно утрачена. Притязаніе гетмана малороссійскаго, графа Кирилла Разумовскаго, — создать династію Разумовскихъ, гетмановъ малороссійскихъ — было только поводомъ къ уничтоженію гетманства и къ подчиненію Малороссіи генераль-губернаторамъ.

Пока запорожскіе казаки были на границѣ русскаго государства и служили извѣстнымъ оплотомъ, сдерживающимъ нашествіе турокъ и татаръ, и грозою этихъ народовъ — существованіе Запорожья имѣло глубокое значеніе. Но границы русскаго государства, послѣ первой Туренкой войны, пошли дальше Запорожья; оно не могло уже нести своей прежней службы, историческая роль его была сыграна, дни Запорожья были сочтены.

Императрица приказала „занять Сѣчь и все Запорожье вооруженною рукою, но такъ, чтобы какъ можно меньше было насилія и кровопролитія, а болѣе кротости и убѣжденія“, какъ выражается авторъ „Новой Сѣчи“. Генераль Текелій, которому поручено было это, раздѣлилъ войско на нѣсколько отрядовъ, и въ маѣ 1775 года обложилъ Сѣчь съ разныхъ сторонъ. Всполошились въ Запорожьи, собрались куренные атаманы на сходъ, стали совѣтоваться, какъ быть. Бурными рѣчами начался сходъ, но видъ стоящей неподалеку артиллеріи и слухи о томъ, что все

Запорожье занято войсками—смирили строптивыхъ. Необходимость сдаться была очевидна. Упали духомъ, поникли головами запорожцы, полились горькія слезы изъ очей старыхъ и молодыхъ, взяли они хлѣбъ и соль и пошли къ Текелію. Запорожье сдалось безъ боя, но запорожцы скоро небольшими партиями разошлись по степямъ Новороссіи; нѣкоторые перебрались въ Турцію.

Екатерина лихорадочно слѣдила за судьбою Новороссіи, радовалась успѣхамъ Потемкина и, пожелавъ увидѣть осуществленіе своей мечты, предприняла путешествіе въ Новороссійскій край.

Это путешествіе было триумфальнымъ шествіемъ Императрицы по Новороссіи. Поѣздъ ея состоялъ изъ 14 каретъ и 200 открытыхъ саней. Ее сопровождали посланники трехъ великихъ державъ Европы. Потемкинъ устраивалъ богатыя встрѣчи. Путь, освѣщенный ночью кострами, толпы народа, звонъ колоколовъ, пальба изъ пушекъ, восторженные крики радости, дворцы для остановокъ, необычайная роскошь и богатство и среди всего этого, въ полномъ блескѣ славы, гордая и величественная, Екатерина--все это было скорѣе чѣмъ-то сказочнымъ, чѣмъ дѣйствительностью. Въ Кіевѣ она оставалась ожидать весны. Здѣсь ей представлялись не только военные и гражданскіе чины изъ окрестныхъ мѣстностей, но и донскіе казаки, татары, князь Грузинскій, киргизскіе послы, калмыки. По открытіи весны, она поѣхала внизъ по Днѣпру на 80 разукрашенныхъ флагами судахъ. У Канева произошла встрѣча съ Королемъ Польскимъ, а ниже Кременчуга съ Императоромъ Австрійскимъ Іосифомъ II, съ которымъ она, положивъ основаніе Екатеринославу, продолжала путешествіе въ Херсонъ, а оттуда въ Крымъ. Побывала она въ

Бахчисараѣ, гдѣ останавливалась въ бывшемъ ханскомъ дворцѣ и затѣмъ отправилась въ Ахтіаръ, который назвала Севастополемъ. Изъ мѣстечка Севастополь былъ превращенъ въ городъ. Здѣсь уже было около 400 домовъ, были склады для товаровъ, адмиралтейство, госпиталь, верфи и пристань; здѣсь стоялъ военный флотъ. Когда Екатерина сидѣла за обѣденнымъ столомъ, внезапно открылись двери большого балкона, и ей представилась чудная картина: татарскіе всадники, выстроенные рядами, а далѣе обширный морской заливъ, посреди котораго въ боевомъ порядкѣ выстроился грозный флотъ; залпъ пушекъ привѣтствовалъ Императрицу. Обратное путешествіе она предприняла черезъ Полтаву, гдѣ смотрѣла большіе маневры на мѣстѣ Шведской битвы. Развитиємъ Новороссійскаго края Императрица осталась очень довольна и присвоила Потемкину имя князя Таврическаго за присоединеніе Крыма, названнаго имъ древнимъ именемъ—Тавридой.

Путешествіе императрицы по югу Россіи и Крыму, скопленіе войскъ, торжественныя встрѣчи, устроенныя татарами Екатеринѣ, волновали Турцію. Турція начала укрѣплять Очаковъ, послала свой флотъ къ самому устью Днѣпра и, наконецъ, потребовала, чтобы Россія уступила Крымъ. Война стала неизбежной. Въ сентябрѣ 1787 г. Екатерина издала манифестъ о второй Турецкой войнѣ.

Послѣ первыхъ неудачъ этой войны, Потемкинъ сталъ бояться за успѣхъ ея и обнаруживалъ даже слабость духа; только Екатерина могла ободрить его и писала ему, между прочимъ: „прошу ободриться и подумать, что бодрый духъ и неудачу покрыть можетъ. Все сіе пишу къ тебѣ, какъ лучшему другу, воспитаннику моему и ученику, который иногда и болѣе еще имѣеть расположеній. нежели я

сама; но на сей случай я бодрѣ тебя, понеже ты боленъ, а я здорова⁴. Были моменты, когда Потемкинъ хотѣлъ оставить Крымъ и вывести изъ него войска, но до этого шага не допустила Екатерина, прекрасно сознававшая все значеніе Крыма для Россіи. Но бывали моменты, когда и Екатерина падала духомъ и утѣшителемъ являлся Потемкинъ.

Въ дѣйствующую армію былъ назначенъ знаменитый Суворовъ. Одержанная имъ побѣда у Кинбурнской косы, хотя и не имѣла рѣшающаго значенія, но ободрила русскія войска, ободрила и начальствующихъ. Такое же значеніе въ этой войнѣ имѣло взятіе Очакова. Это была значительная крѣпость между Днѣпромъ и Днѣстромъ; взять ее было важно; этого желала и Императрица, но крѣпость была взята только послѣ пятимѣсячной осады и кровопролитнаго боя. Ободренныя войска, подъ начальствомъ Суворова, разбили турокъ при Фокшанахъ и при Рымникѣ, гдѣ двадцатипятитысячная русская армія пошла на встрѣчу стотысячному турецкому войску и разбила его совершенно.

Долго не сдавался Измаиль, два раза подступали русскія войска къ нему, но напрасно. Взятіе его было поручено Суворову. Прибывъ къ войскамъ и показавъ имъ рукою на крѣпость, Суворовъ сказалъ: „видите ли эту крѣпость, стѣны ея высоки, рвы глубоки, а все таки намъ нужно взять ее. Матушка-царица приказала и мы должны ее слушаться“. Онъ объявилъ штурмъ. Въ зимнюю декабрьскую ночь, по данному сигналу, началась атака. Она была поведена въ строгомъ порядкѣ, нѣсколькими колоннами, чтобы одновременно занять крѣпость съ разныхъ сторонъ. Съ криками „съ нами Богъ“ русскіе солдаты подставляли лѣстницы къ крѣпостнымъ стѣнамъ, взбирались на нихъ, падали,

отступали, снова наступали; кололи, рѣзали, стрѣляли. Грохотала ружейная пальба, гремѣли пушки изъ крѣпости, летѣли снаряды съ судовъ. Русскіе дрались, какъ разъяренные львы; турки не уступали; бой былъ ожесточенный. Офицеры, генералы, всѣ подавали примѣры храбрости и мужества—каждый старался первымъ взобраться на стѣны и проникнуть въ крѣпость. вмѣсто павшаго въ бою офицера, во главѣ полка становился полковой священникъ. и, съ крестомъ въ рукахъ, обѣщая вѣрную побѣду, велъ на приступъ солдатъ. Русскія войска вошли въ крѣпость. Турки не просили пощады, они готовы были умереть. Улицы были защищены, дома укрѣплены, со всѣхъ домовъ стрѣляли. Нужно было брать съ оружіемъ въ рукахъ каждый шагъ, каждую улицу, чуть ли не каждый домъ. Кровь лилась рѣкою. Только послѣ десятичасоваго кровопролитнаго жестокаго боя, Суворовъ могъ донести Потемкину: «знамена русскія развѣваются на стѣнахъ Измаила⁴, а Государынѣ онъ доносилъ: „гордый Измаиль палъ къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества“.

Въ декабрѣ 1791 года былъ заключенъ миръ, и по Ясскому трактату за Россіей остался весь сѣверный берегъ Чернаго моря, отъ Днѣстра до Днѣпра, и весь Крымскій полуостровъ.

Едва только кончилась вторая Турецкая война, какъ войска были направлены къ Польшѣ, чтобы усмирить недовольныхъ первымъ раздѣломъ поляковъ. Послѣ переговоровъ съ Австріей и Пруссіей, произошелъ второй раздѣлъ Польши, по которому къ намъ отошли: Волынь, Подолія и часть Литвы. Но скоро возстаніе снова вспыхнуло. Послѣ взятія Суворовымъ Праги, Варшава сдалась безъ боя, Польскій король лишился престола и произошелъ третій раздѣлъ

Польши, по которому Россіи досталась остальная часть Литвы и Курляндія.

Но еще ранѣ заключенія мира, неутомимый строитель городовъ въ Новороссіи, основатель этого края и ближайшій сотрудникъ Екатерины по устройству южной Россіи, Потемкинъ, скончался.

Неустанные труды подорвали его силы; еще въ началѣ 1791 года, живя временно въ Петербургѣ, онъ тосковалъ и вообще чувствовалъ себя плохо. На югѣ, въ Яссахъ, болѣзнь усилилась, но Потемкинъ не лѣчился, не исполнялъ приказаній врачей; ему становилось хуже и хуже. Онъ рѣшилъ ѣхать въ Николаевъ. Первую станцію отъ Яссъ проѣхали благополучно. На разсвѣтѣ 5 октября поѣхали дальше, но ему стало дурно; онъ велѣлъ остановить экипажъ въ степи и просилъ вынуть его изъ кареты; онъ плакалъ. Разостлали коверъ, принесли кожаную подушку и уложили больного; онъ полежалъ около получаса и тихо скончался. Тѣло его было привезено въ Яссы, а затѣмъ въ Херсонъ, гдѣ и погребено въ крѣпости, въ церкви св. Екатерины.

На мѣсто его генераль-губернаторомъ Новороссіи назначенъ былъ графъ Платонъ Зубовъ. Онъ далеко уступалъ Потемкину въ умѣ и гении; по желанію Императрицы, онъ продолжалъ устройство Новороссіи, но не во всемъ слѣдовалъ примѣру Потемкина. Онъ не развиваетъ дальше начатыя постройкой города, онъ хочетъ создать свой городъ и устраиваетъ Вознесенскъ; въ немъ воздвигаетъ императорскій дворецъ и предполагаетъ слѣлать этотъ городъ центромъ Новороссіи въ умственномъ и административномъ отношеніи.

Многія предположенія Потемкина и Зубова относительно южныхъ городовъ и не сбылись: Екатери

нославъ не сталъ вторымъ Римомъ, Херсонъ не сталъ Петербургомъ и не получилъ того значенія, какое сперва приписывалъ ему Потемкинъ, Николаевъ уже очень скоро путешественники находили лучше, чѣмъ Херсонъ, Вознесенскъ не сдѣлался центромъ Новороссіи. Несмотря, однако, на это, только когда Новороссійскій край былъ присоединенъ къ Россіи и по сѣщать его стало безопасно, только тогда становится возможною здѣсь мирная жизнь, только тогда начинается развиваться торговля, только тогда край начинается заселяться.

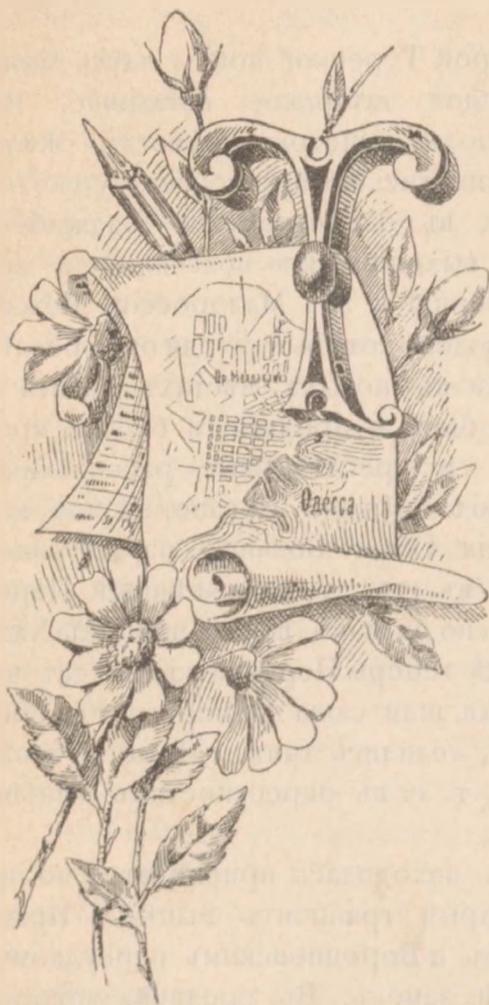
Разными льготами привлекалось малороссійское населеніе изъ польскихъ провинцій (нынѣ Кіевская и Подольская губерніи); изъ Великороссіи переселялись казенные и экономическіе крестьяне; даны были большія льготы раскольникамъ, и они стали основывать поселенія; всякаго рода бѣглецы изъ Россіи находили себѣ здѣсь пріютъ. Въ то же время земли раздавались большими участками разнымъ начальствующимъ лицамъ; на эти участки переводились крѣпостные крестьяне изъ центральныхъ губерній или приписывались вновь поселенные. Для заселенія края вызывались, на льготныхъ условіяхъ, и иностранцы и, главнымъ образомъ, нѣмцы. Въ Новороссіи стали селиться: греки, армяне и молдаване.

Край населялся, въ немъ развивалась промышленность и торговля. Въ 1794 г. изъ Очакова вывезено было товаровъ на 209.321 руб., изъ Херсона на 148.433 руб. и изъ Николаева на 106.532 руб.

Въ 1774 году въ трехъ провинціяхъ—Екатеринославской, Елисаветградской и Бахмутской, было 158.000 жителей, въ 1782 г.—529.000, въ 1794—860.000 душъ. При Потемкинѣ, съ 1780 по 1787 г., основано въ краѣ 158 поселеній, съ 76.147 жителями.

Климатическія условія и положеніе у моря дали возможность югу развиваться въ дальнѣйшемъ, и мы видимъ теперь Новороссійскій край, густо заселенный, съ большими городами, селами, хуторами — край, населенный нѣсколькими милліонами людей, прорѣзанный въ разныхъ направленіяхъ желѣзными дорогами, доставляющими къ портамъ милліоны четвертей хлѣба. На рѣкахъ развилось судоходство, морскіе порты ведутъ обширную торговлю. Но не забудемъ, что все это стало возможно только съ того времени, когда татары своими набѣгами не могли мѣшать мирному теченію жизни, т. е. только со времени покоренія Крыма и присоединенія Черноморскаго побережья.

Великая заслуга Екатерины и заключается въ томъ, что она предвидѣла значеніе этого края для Россіи. Она не могла не знать исторіи, а исторія ей указывала, что какъ только западно-европейскія государства стали нуждаться въ привозномъ хлѣбѣ, они обратились сюда — въ Украину, Подолію, Понизовье. Отсюда пошли первые транспорты хлѣба, такъ какъ климатическія и почвенныя условія этого края были особенно благоприятны для хлѣбопашества. Она понимала, что если изъ этого края изгнать турокъ и татаръ, обезопасить его отъ нашествія кочевниковъ и обезпечить спокойную жизнь, край начнетъ развиваться и богатѣть и станетъ гордостью Россіи. Она понимала, что для Россіи весьма важно приблизиться къ Черному морю, гдѣ можно завести „вольный флотъ“, установить торговыя сношенія и тѣмъ усилить значеніе Россіи, какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и въ экономическомъ. И она исполнила эти задачи.

о мѣсто, которое нынѣ занимаетъ Одесса, издавна служило торговымъ пунктомъ. Предполагають, что во времена владѣнія грековъ здѣсь именно была гавань Исиаковъ, такъ какъ это мѣсто въ глубинѣ залива давало возможность пользоваться удобной бухтой. Гораздо позже, во времена

литовскаго владычества, въ XIII и XIV вѣкѣ, здѣсь встрѣчаемъ мѣстечко Кочубей, или Качибей. Во времена турецкаго владычества здѣсь построена была крѣпость Ени-Дуня (Новый Свѣтъ), а самое селеніе получило названіе Гаджибей, или Хаджибей, по всей вѣроятности, измѣненное Качибей. Во время первой Турецкой войны, эта крѣпость была взята русскими

(въ 1774 г.), но, по Кучукъ-Кайнарджійскому миру, вмѣстѣ со всею прилегающею областью, снова отошла къ туркамъ.

Ко времени второй Турецкой войны здѣсь была крѣпость и небольшое татарское поселеніе. Въ самомъ Хаджибеѣ, подъ защитою крѣпости, жили татары, которые занимались по преимуществу скотоводствомъ; а далѣе, въ окрестностяхъ Хаджибея, жили и русскіе — выходцы изъ польскихъ и великороссійскихъ губерній и изъ Малороссіи. Между ними немало было людей, которые, уходя отъ преслѣдованій, предполагали въ новыхъ мѣстахъ начать и новую жизнь. Здѣсь были и бродяги, и бѣглые крестьяне, здѣсь были и преслѣдуемые раскольники разныхъ толковъ, сюда бѣжали и запорожскіе казаки послѣ разоренія Сѣчи. Большая партія запорожцевъ поселилась въ 1775 г. на нынѣшней Пересыпи и далѣе, вверхъ по балкамъ, впадающимъ въ Хаджибейскій лиманъ, гдѣ теперь Нерубайскіе и Усатовы хутора. Всѣ эти люди шли сюда съ мирными цѣлями селиться и, конечно, селились тамъ, гдѣ могли заниматься земледѣліемъ, т. е. въ окрестностяхъ нынѣшней Одессы.

Самая крѣпость находилась приблизительно на томъ кварталѣ, который граничитъ нынѣ съ Николаевскимъ бульваромъ и Воронцовскимъ переулкомъ. Это былъ небольшой замокъ. Въ средней, четырехугольной башнѣ были ворота, на двухъ углахъ стояли цилиндрическія башни, дворъ былъ обнесенъ зубчатой стѣной, въ углу двора помѣщался пороховой погребъ. У береговъ Хаджибея стоялъ турецкій флотъ. Въ мѣстности между Театральной площадью и Карантинной балкой былъ форштадтъ — большое поселеніе. Уголъ нынѣшней Ришельевской

и Дерибасовской улицъ былъ центромъ города, здѣсь (нынѣ домъ Меля) была кофейня. Между нынѣшней Екатерининской улицей и Греческимъ базаромъ было кладбище.

Овладевъ Очаковомъ, Потемкинъ отправилъ къ Хаджибею генерала Гудовича, который и поручилъ генераль-майору де-Рибасу взять крѣпость. Де-Рибасъ исполнилъ порученіе, и, безъ особаго кровопролитія, на разсвѣтъ 14 сентября 1789 г. крѣпость была взята.

Тотъ же де-Рибасъ, который былъ завоевателемъ Хаджибея, явился потомъ и строителемъ его.

Иосифъ де-Рибасъ родился въ Неаполѣ и происходилъ отъ знатнаго испанскаго рода. Будучи еще молодымъ человѣкомъ, 20-ти лѣтъ, онъ встрѣтился въ г. Ливорно съ графомъ Орловымъ, который игралъ въ то время при дворѣ значительную роль, и, увлеченный разсказами о Екатеринѣ и ея правленіи, вмѣстѣ съ нимъ, прѣхалъ въ Россію. Здѣсь онъ начинаетъ службу простымъ волонтеромъ въ русскомъ флотѣ. Затѣмъ появляется въ Петербургѣ, гдѣ сходится съ Бецкимъ. Скоро онъ получаетъ чинъ капитана, женится на дочери Бецкаго и занимаетъ мѣсто воспитателя въ военномъ корпусѣ. На педагогическомъ поприщѣ онъ оставался, однако, недолго. Дѣятельность воспитателя казалась ему черезчуръ узкой. Энергичный и честолюбивый де-Рибасъ жаждалъ живой, кипучей дѣятельности. Онъ подаетъ Потемкину проектъ о преобразованіи флота, и тотъ вызываетъ его въ дѣйствующую армію и назначаетъ полковымъ командиромъ.

Онъ исполнялъ самыя серьезныя порученія Потемкина, участвовалъ съ запорожцами во взятіи Очакова, взялъ приступомъ Хаджибей, Тульчу и Исакчу; командуя гребнымъ флотомъ, онъ проникъ въ Измаиль

со стороны Дуная, по крутизнамъ, по такимъ мѣстамъ, которыя считались неприступными. При Мачинѣ онъ командуеть кавалерійскимъ отрядомъ, а при заключеніи мира является въ роли дипломата и подписываетъ Ясскій договоръ. По свидѣтельству историковъ. „этотъ человекъ, щедро одаренный природою, соединилъ въ себѣ самыя разнообразныя способности: неустрашимость воина съ ловкостью дипломата, искусство составлять самыя сложныя соображенія и рѣшимость приводить ихъ въ исполненіе; отважный кавалеристъ, непоколебимый въ опасностяхъ морякъ, тонкій дипломатъ“, — таковъ былъ Рибасъ, послѣдніе годы дѣятельности котораго были посвящены Одессѣ.

Хаджибей былъ завоеванъ въ сентябрѣ 1789 г., но, до заключенія Яскаго договора, онъ, какъ и вся завоеванная мѣстность, оставался въ томъ же положеніи, въ какомъ былъ завоеванъ. Только въ январѣ 1792 г. Екатерина предписываетъ Екатеринославскому губернатору Каховскому „обозрѣть вновь присоединенную страну, раздѣлить оную на уѣзды, назначить города по способности и о томъ намъ и Сенату нашему представить ваше мнѣніе съ планами“. Въ Хаджибей предпологалось поселить моряковъ, что видно изъ слѣдующихъ словъ донесенія Каховскаго (5-го мая 1792 г.): „Аджибей, назначенный Вашимъ Величествомъ для обитанія служившихъ въ Средиземномъ морѣ во флотиліи, лежитъ на возвышенномъ и пріятномъ мѣстѣ. Вода въ колодцахъ прѣсная и хорошая. Изъ вершины одной долины можно провести фонтанъ до полувозвышенія, на коемъ полагается быть городу“. Но первоначальная мысль Екатерины сдѣлать Хаджибей пунктомъ для поселенія грековъ и албанцевъ скоро, однако, замѣняется другою — Хаджибей дѣлають военнымъ городомъ.

Вице-Адмиралъ Де-Рибасъ.

Вновь завоеванная земля не была ничѣмъ защищена противъ остававшихся за Турціей крѣпостей—Измаила, Аккермана, Бендеръ и Хотина, почему Екатерина, задумавъ строить крѣпости Овидіополь, Тирасполь и третью возлѣ разореннаго Хаджибея, учреждаетъ „экспедицію строенія южныхъ крѣпостей“. Де-Рибасъ и инженеръ де-Волянъ устраиваютъ Хаджибейскую крѣпость, которая окончена была къ концу 1793 года.

Но военнымъ городомъ, крѣпостью, Хаджибей остается недолго. Екатеринѣ нуженъ военно-торговый портъ на Черномъ морѣ, ей рекомендуютъ Очаковъ, но де-Рибасъ и де-Волянъ, зная на мѣстѣ всѣ недостатки Очакова и достоинства Хаджибейскаго залива, указываютъ на преимущества строить портъ именно на мѣстѣ Хаджибея, такъ какъ здѣсь не нужно строить морскіе каналы, рейдъ здѣсь глубокій, и судоходство можетъ происходить въ теченіе всего года.

Де-Рибасъ успѣлъ склонить на свою сторону преемника Потемкина—Зубова, и 27 мая 1794 года Екатерина издаетъ Высочайше рескрипты, одинъ—на имя графа Зубова, Таврическаго и Херсонскаго генералъ-губернатора и другой—на имя де-Рибаса. Этими рескриптами де-Рибасъ назначается градостроителемъ и основателемъ новаго города. Въ рескриптѣ на имя вице-адмирала де-Рибаса она писала: „Уважаая выгодное положеніе Хаджибея при Черномъ морѣ и сопряженныя съ онымъ пользы, признали Мы нужнымъ устроить тамъ военную гавань купно съ купеческою пристанью. Устроеніе гавани сей возлагаемъ на васъ и Всемилостивѣйше повелѣваемъ вамъ быть главнымъ начальникомъ оной, гдѣ и гребной флотъ Черноморскій, въ вашей командѣ состоящій, впредь главное расположеніе свое имѣть будетъ; работы же

производить подь надзираніемъ генерала, графа Суворова-Рымникскаго, коему поручены отъ насъ всѣ строенія укрѣпленій и военныхъ заведеній въ той странѣ. Придавъ въ пособіе вамъ инженеръ-полковника де-Волана, коего представленный планъ пристани и города Хаджибея утвердивъ, повелѣваемъ приступить, не теряя времени, къ возможному и постепенному произведенію онаго въ дѣйствіе Мы надѣемся, что вы не токмо приведете въ исполненіе сіе благое предположеніе наше, но что, вѣдая, koliko процвѣтающая торговля споспѣшествуетъ благоденствію народному и обогащенію Государства, потщитесь, дабы создаемый вами городъ представлялъ торгующимъ не токмо безопасное отъ непогодъ пристанище, но защиту, ободреніе, покровительство и, словомъ, всѣ зависящія отъ васъ въ дѣлахъ ихъ пособія; чрезъ что, безъ сомнѣнія, какъ торговля наша въ тѣхъ мѣстахъ процвѣтетъ, такъ и городъ сей наполнится жителями въ скоромъ времени“.

Постройка крѣпостей по Черному морю, а въ томъ числѣ и въ Хаджибеѣ, производилась сначала подь наблюденіемъ Суворова, а затѣмъ графа Зубова, но какъ тотъ, такъ и другой, въ построеніи Хаджибейскаго порта во всемъ полагались на де-Рибаса, которій, чтобы облегчить задачу, учредилъ здѣсь особую комиссію по постройкѣ гавани; комиссія была названа: „экспедиція строенія гавани и города Хаджибея, съ купеческою пристанью“, и во главѣ ея поставленъ былъ инженеръ де-Воланъ. 22 августа 1794 г., приступлено было къ постройкѣ порта, который долженъ былъ состоять изъ трехъ гаваней и быть оконченнымъ въ теченіе пяти лѣтъ. На портовые сооруженія Императрица, по ходатайству Платона Зубова, ассигновала 200.000 руб., и первый молъ получилъ названіе Платоновскаго.

Но, кромѣ устройства порта, нужно было подумать и о заселеніи города. Для застроения и выгона было отведено 29.500 дес. удобной и 1.200 дес. неудобной земли. Землю эту приказано было распланировать и раздать подъ застроения желающимъ поселиться въ Хаджибеѣ. Раздача земель и выборъ лицъ, которыхъ можно было поселить, поручены были де-Рибасу, который учредилъ для этого особую экспедицію.

Въ 1794 году мѣстность, на которой находится Хаджибей, была распланирована, раздѣлена на два форштадта, греческій и военный, спланированы улицы, разбиты кварталы, опредѣлены отдѣльные дворовые участки. Общій планъ города былъ утверждень Екатериной въ маѣ 1794 года, но планъ этотъ не былъ выполненъ въ точности. Участки подъ заселеніе раздавались согласно особой инструкции, съ обязательствомъ застроения въ извѣстный срокъ.

Съ цѣлью скорѣе заселить городъ, для вновь поселяющихся грековъ и албанцевъ, строить дома, выдаютъ имъ денежное пособіе. Екатерина выдаетъ 2000 р. на постройку церкви, разрѣшаетъ безплатный ввозъ всего имущества каждаго переселенца, а также товаровъ для продажи на 300 руб.; поселенцы освобождаются отъ всѣхъ податей и службъ на 10 лѣтъ, отъ постоевъ и личной военной службы —навсегда. Съ цѣлью же заселенія, старообрядцамъ, поселяющимся здѣсь, разрѣшено отправлять богослуженіе. Всѣ эти льготы привели къ тому, что населеніе въ Одессѣ стало прибывать.

До января 1795 г. городъ все-таки называется Хаджибей, и только съ этого времени получаетъ названіе Одессы. Откуда взято это названіе, кто первый назвалъ такъ городъ, трудно сказать съ досто-

вѣрностью, но говорятъ, что въ январѣ 1795 г. на придворномъ балу кто-то предложилъ Императрицѣ Екатеринѣ дать Хаджибею другое названіе. Вспомнили, что неподалеку отъ Хаджибея было когда-то греческое селеніе Одессось или Одиссось, и Екатерина сказала: „пусть же Хаджибей носить древне-греческое названіе, но въ женскомъ родѣ: короче и яснѣе назвать его Одесса“. Насколько это вѣрно, трудно сказать, но уже въ указѣ Сенату объ учрежденіи Вознесенской губерніи, въ январѣ 1795 г., упоминается названіе Одессы.

Въ 1794 г. богослуженіе совершалось полковымъ священникомъ во временной церкви. Въ 1795 г. на главной площади освящена была деревянная церковь во имя св. Николая, а скоро заложены были постоянныя каменные церкви: на главной площади, рядомъ съ деревянною церковью, Соборъ, во имя св. Николая (нынѣ Преображенскій соборъ), на Греческомъ форштадтѣ, на пересѣченіи Мало-Арнаутской и Ремесленной улицъ (здѣсь была площадь)—во имя св. Троицы; близъ военной гавани, на нынѣшней Екатерининской площади — во имя св. вмч. Екатерины и въ крѣпости (нынѣ Александровскій паркъ)—во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невского. Хотя изъ всѣхъ этихъ церквей въ дальнѣйшемъ была построена только церковь во имя св. Николая, освященная во имя Преображенія Господня, но это показываетъ, что уже въ то время сознавалось будущее Одессы.

Это будущее рисуется съ первыхъ же дней жизни города. Уже въ ноябрѣ 1795 года Екатерина издаетъ указъ на имя графа Зубова и повелѣваетъ учредить въ Одессѣ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ адмирала де-Рибаса „Особый для россійскихъ

купцовъ магистратъ“, т. е. такое учрежденіе, которое должно было чинить судъ и заправлять хозяйственными дѣлами города. 14 января 1796 г. граждане собрались въ одномъ изъ казенныхъ домовъ, приведены были къ присягѣ и избрали членовъ Магистрата. На другой день Магистратъ открылъ свои дѣйствія въ домѣ перваго одесскаго городского головы Андрея Желѣцова.

Благодаря льготамъ, дарованнымъ Императрицей, Одесса начала развиваться. Въ портѣ возводились постройки, въ городѣ земля разбивалась на участки и раздавалась желающимъ поселиться, привлекались новые поселенцы, устраивалось городское управленіе, сооружались казенные дома для поселенцевъ, строились церкви.

Во всякомъ дѣлѣ важно начало; къ счастью, эти благія начинанія Императрицы не остались безплодными. Благодаря своему положенію у моря, Одесса не остановилась въ своемъ развитіи; въ ней должна была развиваться торговля и она развилась.

Въ теченіе 1795 г., въ Одесскій портъ прибыло 39 судовъ и отошло 22, а въ 1796 г. прибыло 86 судовъ и отошло 64. Цѣнность торговли въ 1795 г. показана въ 68.000 р., а въ 1796 г. до 172.000 р.

Въ Іюль 1795 г. въ Одессѣ была произведена первая перепись населенія города, и въ немъ оказалось жителей 2360 душъ обоего пола, а къ 1797 г.—около 5.000 душъ. Уже въ сентябрѣ 1796 г. учреждена была въ Одессѣ цензура.

Въ 1794 г. учреждена была почтовая экспедиція, съ приѣмомъ и полученіемъ почты 2 раза въ недѣлю; весною 1795 г. открыты были карантинъ и таможня, а въ 1796 г., 30 октября, открыта была и биржа.

Такимъ образомъ, къ концу 1796 г. Одесса получаетъ полное устройство, она имѣетъ церковь, гавань,

управленіе въ лицѣ Магистрата и Думы, почтовую контору, таможду, биржу, карантинъ и цензуру.

Шестого ноября 1796 г. основательницы и покровительницы Одессы не стало; она умерла отъ удара. Со смертью ея хотя и закрываются нѣкоторыя городскія учрежденія и даже прекращается постройка порта, но явленіе это было только временное. Скоро вновь сознано было значеніе Черноморскаго побережья и въ частности Одессы, которая, благодаря своимъ естественнымъ преимуществамъ предъ другими городами Новороссійскаго края, развивается скорѣе другихъ городовъ. Екатерининское „окно въ Европу“, благодаря своему географическому положенію, растетъ на подобіе американскихъ городовъ и къ столѣтію своему становится четвертымъ городомъ въ Россіи, съ населеніемъ въ 350.000 жителей.

Благодарная Одесса, памятуя, что ея основаніе положено рескриптомъ Императрицы Екатерины и что ея гению она обязана своимъ существованіемъ, въ день празднованія столѣтія основанія города, положила первый камень на мѣстѣ, гдѣ будетъ воздвигнуть памятникъ Той, которая, поправъ турецкій флагъ, на развалинахъ Хаджибея основала городъ, именующійся нынѣ „южной красавицей“.
